Н. Н. Липкина*

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЩИЙ ИНТЕРЕС МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ[1]

Аннотация. *Права человека играют всё большую роль в функционировании и развитии общества, а международно-правовое регулирование сферы межгосударственного сотрудничества по правам человека приобрело ряд специфических черт, оказывающих существенное влияние на развитие различных институтов международного права, включая право международной ответственности. Целью статьи является анализ особенностей и проблем реализации методологии обеспечения общего интереса международного сообщества в целом, состоящего в защите прав человека, в праве международной ответственности.*

Рассматривается категория «общие интересы международного сообщества в целом», исследуется ее значение в процессе интенсификации межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека. Отмечается, что такие инструменты обеспечения реализации общих интересов международного сообщества в целом, как нормы jus cogens и обязательства erga omnes, предопределяют особенности содержания вторичных норм права международной ответственности. Речь, в частности, идет о нормах, закрепляющих обстоятельства, исключающие противоправность деяния, устанавливающих последствия серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, регулирующих вопросы призвания к ответственности государством иным, чем потерпевшее государство. Подчеркивается самостоятельное значение указанных инструментов в процессе установления особенностей содержания отдельных конструкций права международной ответственности.

Обращается внимание на тот факт, что реализация такого общего интереса международного сообщества в целом, как обеспечение и защита прав человека, в праве международной ответственности сопряжена с отдельными затруднениями, обусловленными среди прочего отсутствием консенсуса относительно методологии квалификации норм международного права в качестве норм jus cogens, а также наличия различных подходов к пониманию содержания и структуры самих прав человека. Делается вывод о том, что, несмотря на наличие указанных проблем, нельзя отрицать существенное влияние норм jus cogens и обязательств erga omnes на содержание международно-правового регулирования различных сфер международного сотрудничества в контексте усиления тенденции к коммунитаризации международного права и гуманизации международных отношений.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека».

© Липкина Н. Н., 2019

* *Липкина Надежда Николаевна,* кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии
k_intlaw@ssla.ru
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Ключевые слова: *права человека; ответственность в международном праве; обстоятельства, исключающие противоправность деяния; обязательства erga omnes; нормы jus cogens; общие интересы международного сообщества в целом.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.063-076

Введение

После принятия Устава Организации Объединенных Наций, провозгласившего в качестве одной из целей ее деятельности осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии[2], права человека, наряду с международным миром и безопасностью, а также развитием, рассматриваются в качестве одной из основ современного миропорядка[3], а также одного из компонентов конституционализации международного права[4]. При этом, как подчеркивается в литературе, дальнейшее развитие процесса гуманизации международных отношений обеспечивается, среди прочего, посредством придания «коммунитарного тона» международному праву[5]. В рассматриваемом контексте существенное значение в деле развития международно-правового регулирования международного сотрудничества в сфере прав человека имеет концепция общих интересов международного сообщества в целом.

1. Права человека в современном международном праве в контексте концепции общих интересов международного сообщества в целом

Несмотря на достаточно широкое признание указанной категории в науке и на практике, ее содержание остается дискуссионным[6]. Вместе с тем, как представляется, анализ особенностей правовой природы общих интересов международного сообщества в целом и инструментов их реализации позволит подчеркнуть особый характер международного сотрудничества по правам человека на современном этапе развития международного права. Можно выделить следующие направления научных дискуссий по определению общих интересов международного сообщества в целом.

Во-первых, отдельная линия соответствующей аргументации заключается в отстаивании тезиса об их «публичности». Одни авторы связывают такие интересы с понятием «публичный порядок международного сообщества»[7]; другие проводят аналогию между рассматриваемой категорией интересов в международном праве и интересами публичного права в других правовых системах[8]; третьи пред-

---

2 См.: Устав ООН 1945 г. // URL: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/ (дата обращения: 10.12.2018).

3 См.: 70 years ago, the UN Charter established the three founding pillars of the UN system: peace and security, human rights, and development : Statement by Ambassador Mark Lyall Grant of the UK Mission to the UN at the Security Council Open Debate on the Maintenance of International Peace and Security, 2015. https://www.gov.uk/government/speeches/70-years-ago-the-un-charter-established-the-three-founding-pillars-of-the-un-system-peace-and-security-human-rights-and-development (дата обращения: 10.12.2018). См. также: Проект декларации о праве на международную солидарность (ст. 3) // Доклад Независимого эксперта по вопросу о правах человека и международной солидарности 2017 г. URL:. http://undocs.org/ru/A/HRC/35/35 (дата обращения: 10.12.2018).

4 См.: *Tzevelekos V. P.*, *Lixinski L.* Towards a Humanized International «Constitution»? // Leiden Journal of International Law. 2016. No. 29(2). P. 344.

5 См.: *Tzevelekos V. P.* Revisiting the Humanisation of International Law: Limits and Potential: Obligations Erga Omnes, Hierarchy of Rules and the Principle of Due Diligence as the Basis for Further Humanisation // Erasmus Law Review. 2013. No. 6. P. 62.

6 См.: *Besson S.* Community Interests in International Law: Whose Interests Are They and How Should We Best Identify Them? // Community Interests Across International Law / ed. by E. Benvenisti and G. Nolte. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 36—37.

7 См.: *Christenson G. A.* Jus Cogens: Guarding Interests Fundamental to International Society // Virginia Journal of International Law. 1988. Vol. 28. P. 585, 589.

лагают концепцию международного правопорядка, основанного на индивидуальных и общих *интересах,* критикуя ценностно-ориентированный подход[9] к пониманию международного правопорядка[10]. Указанная линия аргументации подтверждает звучащий в литературе общий вывод о том, что концепция общих интересов международного сообщества в целом обусловила структурные изменения самого международного права[11]. Среди правовых конструкций, посредством которых обеспечиваются общие интересы международного сообщества в целом, можно отметить обязательства erga omnes, нормы jus cogens и др. Последняя из указанных конструкций рассматривается в литературе как проявление нормативной иерархии в международном праве[12]. Значение для сферы международного сотрудничества по правам человека указанных конструкций, посредством которых обеспечиваются общие интересы международного сообщества в целом, трудно переоценить. Например, среди норм, относящихся к категории jus cogens, особое место занимают нормы, гарантирующие ряд основных прав и свобод человека (общепризнанной можно считать квалификацию в качестве jus cogens запрета пыток[13], принципа равенства перед законом, равной защиты закона и недискриминации[14], запретов расовой дискриминации, апартеида, рабства[15] и др.), таким образом, концепция jus cogens, безусловно, способствует усилению международного сотрудничества по правам человека[16].

Во-вторых, следует отметить разнообразие подходов к толкованию термина «международное сообщество» в контексте рассматриваемой категории. Такое разнообразие отражает новые тенденции развития самого международного права и обусловлено ими. Можно начать с анализа различных вариантов формулировки указанного термина. Например, в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., содержащей определение норм jus cogens, используется термин «международное сообщество *государств* в целом». Подобное уточнение, хотя оно и отражает один из вариантов понимания международного сообщества (как сообщества исключительно государств), признаваемых в науке международного права, нельзя считать адекватным существующему состоянию развития международных отношений[17]. Используемое в современном международном праве понятие «международное сообщество в целом» имеет открытое содержание и толкуется максимально широко, начиная с понимания его как сообщества, включающего не только государства, но и иных акторов, вступающих в международные отношения, и заканчивая его отождествлением с человечеством в

---

[8] См.: *Crawford J. R.* Responsibility to the International Community as a Whole // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2001. Vol. 8. Iss. 2. Article 2. P. 322.

[9] См.: *De Wet E.* The International Constitutional Order // International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 51.

[10] См.: *D' Aspremont J.* The foundations of the international legal order (2009). P. 37. https://dare.uva.nl/search?identifier=370eafab-c4f3-4be0-8182-0791879cdf19 (дата обращения: 10.12.2018).

[11] См.: *Tanaka Y.* Protection of Community Interests in International Law: the Case of the Law of the Sea // Max Planck Yearbook of International Law. 2011. Vol. 15. P. 331.

[12] См., например: *Vidmar J.* Norm Conflicts and Hierarchy in International Law: Towards a Vertical International Legal System? // Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights / ed. by E. de Wet, J. Vidmar. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 4. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2060300 (дата обращения: 10.12.2018).

[13] См.: ICJ. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): Judgment of 20 July 2012, § 99. URL: http://www.icj-cij.org/files/case-related/144/144-20120720-JUD-01-00-EN.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

[14] См.: Inter-American Court of Human Rights. Juridical Condition and Rights of Undocumented Migrants: Advisory Opinion (OC-18/03), § 101, 17 September 2003.

[15] См.: Доклад Комиссии международного права 2006 г. С. 424 // URL: http://undocs.org/ru/A/61/10 (дата обращения: 10.12.2018).

[16] См.: *Zenović P.* Human rights enforcement via peremptory norms — a challenge to state sovereignty. Riga, 2012. P. 24. URL: https://www.rgsl.edu.lv/uploads/research-papers-list/17/rp-6-zenovic-final.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

[17] См.: *Crawford J. R.* Op. cit. P. 313.

целом[18]. Кроме того, представляется уместным обратить внимание на предлагаемый в литературе оригинальный подход к толкованию термина «международное сообщество», который основывается на использовании социологических понятий «общество» и «сообщество», первое из которых означает социальную группу, в которой индивид видит социальные отношения как инструмент реализации своих личных целей, а второе — социальную группу, в которой отдельный субъект считает себя средством достижения целей группы[19]. Схема общественных отношений, обозначаемая последним из указанных понятий, основана на идее солидарности, которая находит все более широкое воплощение в международном праве, оказывая существенное влияние на сферу международного сотрудничества по правам человека. В Проекте декларации о праве на международную солидарность содержится следующее определение международной солидарности: «Международная солидарность является выражением духа единства между отдельными лицами, народами, государствами и международными организациями, объединенными общностью интересов, устремлений и действий и признанием различных потребностей и прав для достижения общих целей»[20]. При этом в рамках международного сотрудничества по правам человека целью международной солидарности является создание благоприятных условий для содействия установлению социального и международного порядка, в контексте которого могут быть полностью реализованы все права человека и основные свободы[21].

В-третьих, важным признаком общих интересов международного сообщества в целом является, собственно, общий характер таких интересов. В науке выделяют несколько аспектов толкования признака общности интересов[22]. Данный признак, во-первых, подчеркивает фундаментальный характер соответствующей ценности, обуславливающий общий интерес в ее защите[23], во-вторых, отражает коллективный характер самого интереса, что предполагает, что данный интерес является предметом озабоченности всех государств, которые юридически заинтересованы в его защите[24], в-третьих, означает, что защита такого интереса возможна лишь посредством коллективных действий, поскольку коллективное благо невозможно обеспечить фрагментарно[25]. Относительно третьего из указанных аспектов следует отметить, что применительно к сфере международного сотрудничества по правам человека в науке встречается осторожное отношение к признанию обязанности принятия коллективных действий в целях обеспечения прав и свобод. Так, С. Бессон, проводя различия между коллективными и индивидуальными обязательствами, подчеркивает, что обязательства по правам человека связывают все государства, но индивидуально, а не коллективно[26]. Подобная осторожность обусловлена, среди прочего, тем, что наиболее эффективно права и свободы человека могут быть обеспечены самим государством во внутригосударственном правовом порядке[27], именно поэтому принцип субсидиарности является одним из ключевых принципов международного

[18] См.: *Focarelli C.* International Law as Social Construct: The Struggle for Global Justice. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 151—153.

[19] См.: *Villalpando S.* The Legal Dimension of the International Community: How Community Interests Are Protected in International Law // The European Journal of International Law. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 391—392.

[20] См.: Проект декларации о праве на международную солидарность (ст. 1) // Доклад Независимого эксперта по вопросу о правах человека и международной солидарности 2017 г. URL: http://undocs.org/ru/A/HRC/35/35 (дата обращения: 10.12.2018).

[21] См.: Проект декларации о праве на международную солидарность (ст. 3).

[22] См.: *Besson S.* Op. cit. P. 38—39.

[23] См.: *Ануфриева Л. П.* Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens // Lex Russica. 2018. № 12 (145). С. 43.

[24] См.: ICJ. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain): Judgment of 5 February 1970, § 33.

[25] См.: *Villalpando S.* Op. cit. P. 392—393.

[26] См.: *Besson S.* Op. cit. P. 40.

[27] См.: *Araujo R.* Sovereignty, Human Rights, and Self-Determination: The Meaning of International Law // Fordham International Law Journal. 2001. Vol. 24. Iss. 5. P. 1477.

права прав человека[28]. Не теряет актуальности данный принцип и с интенсификацией международного сотрудничества по правам человека. Например, при обсуждении концепции международной солидарности, упомянутой выше, государства неоднократно подчеркивали необходимость помнить о том, что «государства несут основную ответственность за права человека отдельных лиц в пределах их суверенной территории»[29].

2. Методология обеспечения общих интересов международного сообщества в целом в праве международной ответственности

В международном праве существует ряд правовых инструментов, направленных на защиту общих интересов международного сообщества в целом. К ним можно отнести нормы jus cogens, обязательства erga omnes и др. Наличие подобных инструментов предопределяет особенности содержания вторичных норм права международной ответственности. Особое значение в деле обеспечения общих интересов международного сообщества в целом имеют, в частности, следующие конструкции права международной ответственности: состояние необходимости, как обстоятельство, исключающее противоправность деяния (ст. 25 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.[30] (далее — Проект статей)), серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права (ст. 40, 41 Проекта статей), призвание к ответственности потерпевшим государством (ст. 42 Проекта статей), призвание к ответственности государством, иным, чем потерпевшее государство (ст. 48 Проекта статей).

Принятие Международным Судом ООН решения по делу *«Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)»*, в котором Суд определил обязательства erga omnes как обязательства, затрагивающие столь значимые права, что все государства могут быть признаны юридически заинтересованными в их защите[31], поставило в науке вопрос о разграничении понятий «потерпевшее государство» и «юридически заинтересованное государство»[32]. При поиске ответа на данный вопрос большое значение имеет вид международного обязательства, которое было нарушено. Наиболее подробную классификацию международных обязательств в контексте права международной ответственности предложил Л.-А. Сицилианос, положив в ее основу критерий постепенного расширения круга государств, затрагиваемых нарушением таких обязательств: ординарные обязательства; взаимозависимые (интегральные) обязательства; обязательства, направленные на обеспечение «экстрагосударственных» интересов (реализуемые erga omnes partes); обязательства erga omnes; обязательства, вытекающие из императивных норм общего международного права[33]. При этом, по мнению автора, об интегральных обязательствах речь идет в пп. b (ii) ст. 42 Проекта статей, которая гласит: «Государство вправе в качестве потерпевшего государства призвать к ответственности другое государство, если нарушенное обязательство является обязательством в отношении... группы государств, включающей это государство, или международного сообщества в целом, и нарушение этого обязательства... носит такой характер, что радикальным образом меняет по-

[28] См.: *Красиков Д. В., Липкина Н. Н.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности : монография. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2014. С. 20—36.

[29] См.: Доклад Независимого эксперта по вопросу о правах человека и международной солидарности 2016 г. С. 7 // URL: http://undocs.org/ru/A/HRC/32/43 (дата обращения: 10.01.2019).

[30] См.: Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/56/83 (дата обращения: 10.12.2018).

[31] См.: ICJ. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain): Judgment of 5 February 1970, § 33.

[32] См.: *Zemanek K.* New Trends in the Enforcement of erga omnes Obligations // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. No. 4. Pp. 29—30.

[33] См.: *Sicilianos L.-A*. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1137.

ложение всех других государств, в отношении которых существует обязательство, в том что касается дальнейшего исполнения этого обязательства». Обязательства erga omnes partes (коллективные обязательства, направленные на защиту общего интереса) — обязательства, которые не имеют взаимного характера, а их нарушение не меняет положение других государств, в отношении которых существуют данные обязательства, в том что касается дальнейшего исполнения этого обязательства. Такие обязательства упоминаются в ст. 48 Проекта статей: «Любое государство, иное, чем потерпевшее государство, вправе призвать к ответственности другое государство,... если: a) нарушенное обязательство является обязательством в отношении группы государств, включающей это государство, и установлено в целях защиты коллективного интереса этой группы».

Анализ ст. 42 и 48 Проекта статей позволяет сделать вывод о том, что соответствующие положения касаются также и обязательств erga omnes (обязательств в отношении международного сообщества в целом), частью которых являются обязательства, вытекающие из императивных норм общего международного права. Вопросам ответственности государств за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, посвящены ст. 40 и 41 Проекта статей. К особым последствиям таких нарушений данные статьи относят обязанность государств сотрудничать с целью положить конец правомерными средствами любому такому серьезному нарушению, не признавать правомерным положение, сложившееся в результате такого серьезного нарушения, и не оказывать помощи или содействия в сохранении такого положения.

Особое значение в деле обеспечения общих интересов международного сообщества в целом имеют также ряд особенностей содержания обстоятельств, исключающих противоправность деяния. Помимо закрепления в ст. 26 Проекта статей общего запрета ссылки на обстоятельства, исключающие противоправность, в отношении деяния, не соответствующего обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права, ряд положений Проекта статей, посвященных отдельным обстоятельствам, исключающим противоправность, также содержат гарантии защиты общих интересов международного сообщества в целом.

Например, формулировка в ст. 20 Проекта статей такого обстоятельства, исключающего противоправность деяния, как согласие, как отметила Комиссия международного права ООН, предполагает, что данная статья касается отношений между двумя соответствующими государствами[34], что позволяет сделать вывод, что данная статья неприменима к ситуациям, когда речь идет об обязательствах erga omnes. Так? Д. В. Красиков справедливо подчеркивает, что в тех случаях, когда речь идет об erga omnes обязательствах по правам человека, «нельзя признать, что согласие какого-либо отдельного субъекта международного права в отношении отступления от таких обязательств может исключить противоправность соответствующего деяния»[35]. Значительный интерес в рассматриваемом контексте представляет такое обстоятельство, исключающее противоправность, как состояние необходимости. В ст. 25 Проекта статей, посвященной данному обстоятельству и сформулированной в негативной форме, содержится запрет ссылки на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству государства, когда это деяние наносит серьезный ущерб существенному интересу международного сообщества в целом. Следует отметить, что ст. 25 Проекта статей в рассматриваемом аспекте уже применялась на практике. В решении по делу *«Bernhard von Pezold and Others v. Republic of Zimbabwe»* арбитражный трибунал, созданный в рамках Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, пришел к выводу, что, поскольку Зимбабве нарушила erga omnes обязательство не осуществлять расовую дискриминацию, то ссылка на

[34] См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. С. 174 // Доклад Комиссии международного права ООН 2001 г. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/reports/a_56_10.pdf&lang=EXP (дата обращения: 10.12.2018).

[35] См.: *Красиков Д. В.* Согласие как обстоятельство, исключающее международную противоправность деяния: нормативные риски и потенциал для обеспечения прав человека // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 310.

состояние необходимости по ст. 25 Проекта статей исключается[36].

Наконец, необходимо отметить, что общий интерес международного сообщества в целом, состоящий в обеспечении и защите прав человека, может выступать также тем существенным интересом, в целях защиты которого ссылка на состояние необходимости может исключить противоправность деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству государства, не связанному со сферой прав человека. В науке справедливо подчеркивается наличие в целом у института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, потенциала содействия обеспечению прав человека[37].

3. Проблемы применения методологии обеспечения общего интереса международного сообщества в целом, состоящего в обеспечении и защите прав человека, в праве международной ответственности

Сфера международного сотрудничества по правам человека является одной из тех предметных сфер международно-правового регулирования, в рамках которой находят реальное воплощение указанные инструменты обеспечения общих интересов международного сообщества в целом. Как уже отмечалось, среди норм jus cogens именно права человека занимают особое место. Определяя обязательства erga omnes, Международный суд ООН указал, что такие обязательства вытекают в современном международном праве, в частности, из принципов и норм, касающихся основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации[38].

Вместе с тем можно обратить внимание на тот факт, что реализация такого интереса международного сообщества государств в целом, как обеспечение и защита прав человека, сопряжена с отдельными трудностями.

Один из аспектов, вызвавших озабоченность государств в процессе разработки в праве международной ответственности механизмов реализации общих интересов международного сообщества в целом, который остается актуальным и в настоящее время, формулируется в науке как вопрос о том, «насколько правомочны третьи государства, выступающие якобы в интересах “международного сообщества в целом”, вмешиваться в ситуацию, когда нарушаются обязательства erga omnes»[39]. В сфере прав человека поиск ответа на данный вопрос происходит, среди прочего, в рамках дискуссий относительно концепции гуманитарной интервенции[40], для целей правового обоснования которой мог бы использоваться, в частности, институт состояния необходимости, как обстоятельства, исключающего противоправность. Итогом обсуждения опасений по данному поводу стало прямое указание Комиссией международного права в комментариях к ст. 25 Проекта статей, что, несмотря на то, что «в ряде случае ссылки на состояние необходимости имели место для оправдания военных действий за границей, в частности в контексте просьб, касающихся гуманитарного вмешательства... [в]опрос о том, могут ли меры, связанные с принудительным гуманитарным вмешательством, которые запрещены, согласно гл. VII и VIII Устава Организации Объединенных Наций, быть законными в рамках современного международного права, не охватывается статьей 25»[41]. Анализируя указанный комментарий, Я. Джонстоун отмечает неоднозначность его формулировки: создается впечатление, что Комиссия полагает, что на состояние необходимости нельзя ссылаться для исключения противоправности гуманитарной интервенции, но на самом деле она говорит о том, что этот вопрос не охватывается ста-

[36] См.: ICSID. Von Pezold v. Zimbabwe (case no. ARB/10/15), § 657, Award of 28 July 2015.

[37] См.: *Красиков Д. В.* Институт обстоятельств, исключающих противоправность деяния, и нормы международного права о правах человека: параметры взаимодействия // Вестник Поволжского института управления 2018. Т. 18. № 5. С. 120—121.

[38] См.: ICJ. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain): Judgment of 5 February 1970, § 34.

[39] См.: *Сазонова К. Л.* Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 74.

[40] См.: *Кляйн Э.* Страты международного права // Lex Russica. 2015. Т. 99. № 2. С. 65—73.

[41] См.: Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния с комментариями к ним. С. 205—206.

тьей 25[42]. Подобная критика видится уместной ввиду того, что основная линия Комиссии по вопросу о гуманитарной интервенции заключалась в том, чтобы не высказывать твердую позицию по поводу данной противоречивой концепции, а основная ее мысль заключалась в том, что гуманитарная интервенция регулируется первичными нормами международного права, а не положениями Проекта статей, посвященными состоянию необходимости[43].

Таким образом, важнейшим направлением дискуссии о применимости института состояния необходимости для исключения противоправности гуманитарной интервенции является установление содержания запрета применения силы и определение наличия у данного запрета в целом (или у отдельных его элементов) когентного характера. Упомянув о возможности проведения различия между теми элементами правил, касающихся применения силы, которые обладают императивным статусом, и теми их элементами, которые таким статусом не обладают, Дж. Кроуфорд отметил, что необходимость может рассматриваться как подразумевающая исключение противоправности подлинно гуманитарного деяния, даже если оно сопряжено с применением силы, во всяком случае, если такое деяние не нарушает императивную норму[44]. В подтверждение такого мнения в науке приводят примеры случаев «незначительного» применения силы, такие как широко известный инцидент с танкером Торри Каньон (в отношении которого использовалась ссылка на состояние необходимости)[45]. Кроме того, как подчеркивается в литературе, анализ международной практики показывает, что в некоторых случаях при осуществлении гуманитарной интервенции государства, по сути, используют логику, заложенную в такой конструкции, как состояние необходимости, хотя и не ссылаются на нее напрямую[46], ошибочно прикрывая ее расширением права на самооборону или зарождающейся обычно-правовой нормой, разрешающей применение силы по гуманитарным основаниям[47]. Таким образом, в науке широко звучит мнение о том, что в качестве альтернативной правовой аргументации при осуществлении гуманитарной интервенции может использоваться ссылка на состояние необходимости[48].

Указанная дискуссия о возможности использования института состояния необходимости для исключения противоправности гуманитарной интервенции, среди прочего, свидетельствует о трудностях определения нормативного содержания императивных норм общего международного права[49]. Действительно, эффективная реализация рассматриваемых инструментов обеспечения общих интересов

---

[42] См.: *Johnstone I.* The plea of «necessity» in international legal discourse: Humanitarian intervention and counter-terrorism // Columbia Journal of Transnational Law. 2005. Vol. 43(2). P. 348.

[43] См.: Доклад Комиссии международного права ООН 1999 г. (п. 384—385) // URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/documentation/english/reports/a_54_10.pdf&lang=EFSXP&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/reports1990.shtml (дата обращения: 10.12.2018).

[44] См.: Second report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur, 1999 (§ 288). URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_498.pdf&lang=EFSX (дата обращения: 10.12.2018).

[45] См.: *Cardiel J. L. A.*, *Davis A.*, *Macherel L.* Modern Self-Defense: The Use of Force Against Non-Military Threats // Columbia Human Rights Law Review. 2018. Vol. 49(3). P. 180.
Видится значимой в данной дискуссии и возможность использовать по аналогии примеры ссылки для исключения противоправности применения силы на такое обстоятельство, как согласие (см.: Third report on peremptory norms of general international law (jus cogens) to International Law Commission by D. Tladi, Special Rapporteur, 2018 // URL: https://undocs.org/en/A/CN.4/714 (дата обращения: 10.12.2018)).

[46] См.: *Kratochvíl J.* Humanitarian Intervention and State Responsibility (2007). P. 15—16. URL: https://www.nottingham.ac.uk/hrlc/documents/publications/hrlcommentary2006/humanitarianintervention.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

[47] См.: *Vidmar J.* The Use of Force as a Plea of Necessity // American Journal of International Law (Unbound). 2017. Vol. 111. P. 306.

[48] См.: Humanitarian intervention: neither right, nor responsibility, but necessity? (2009) // URL: https://www.ejiltalk.org/humanitarian-intervention-neither-right-nor-responsibility-but-necessity/ (дата обращения: 10.12.2018); *Vidmar J.* The Use of Force as a Plea of Necessity. P. 306.

[49] См.: Third report on peremptory norms of general international law (jus cogens) to International Law Commission by D. Tladi, Special Rapporteur, 2018.

международного сообщества в целом в сфере прав человека во многом зависит именно от успешного разрешения задачи определения содержания самих прав и свобод в контексте квалификации ряда из них в качестве норм jus cogens и в качестве основных прав. Так, например, при обсуждении в Комиссии международного права ООН положений Проекта статей, касающихся контрмер, была выражена обеспокоенность в связи со ссылкой на «основные» права человека ввиду того, что на практике возможны различные варианты толкования данного понятия[50]. Ввиду отсутствия консенсуса относительно методологии квалификации норм международного права в качестве норм jus cogens международная практика относительно признания в качестве таковых отдельных прав человека также не всегда отличается единообразием. Более того, многие права человека имеют сложную структуру и включают несколько аспектов, как например, право на справедливое судебное разбирательство, которое включает в себя в качестве одного из аспектов право на доступ к суду[51]. При этом вопрос о квалификации в качестве jus cogens нередко решается отдельно в отношении каждого из соответствующих прав. Так, Специальный трибунал по Ливану отмечал когентный характер как права на справедливое судебное разбирательство в целом[52], так и права на доступ к суду[53]. Право на доступ к суду признал когентной нормой и Межамериканский суд по правам человека[54]. Вместе с тем Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу *«Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland»* подчеркнул, что гарантии справедливого судебного разбирательства, включая право на доступ к суду, которое применительно к спорам о гражданских правах и обязанностях относится к универсально признанным основным принципам права, несмотря на их значимость, к нормам jus cogens не относятся[55]. Кроме того, в науке справедливо высказывается предостережение от необоснованного расширения круга когентных норм. Как подчеркивает А. С. Исполинов, тенденция видеть императивные нормы везде, где только можно, и игнорировать при этом мнение международного сообщества ставит под угрозу существование самой доктрины jus cogens[56].

Наконец, исследуя инструменты обеспечения общих интересов международного сообщества в целом, нельзя не затронуть вопрос о соотношении обязательств erga omnes и обязательств, вытекающих из норм jus cogens. В науке превалирует точка зрения, заключающаяся в рассмотрении их в качестве двух концентрических окружностей, первая из которых больше второй: все нормы jus cogens порождают обязательства erga omnes, но все обязательства erga omnes вытекают из норм jus cogens[57]. Тот факт, что круг обязательств erga omnes шире круга обязательств, вытекающих из норм jus cogens, свидетельствует о том, что как концепция erga omnes, так и концепция jus cogens имеют важное самостоятельное значение при определении содержания соответствующих конструкций права международной ответственности в Проекте статей.

Так, в ст. 25 Проекта статей содержится запрет ссылки на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству государства, когда это деяние наносит серьезный ущерб существенному интересу международного

---

[50] См.: Доклад Комиссии международного права ООН 2000 г. (п. 326) // URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2000_v2_p2.pdf&lang=EFSRAC&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/2000/ (дата обращения: 10.12.2018).

[51] ECtHR. Naït-Liman v. Switzerland (GC) (appl. no. 51357/07), § 113, 15 March 2018.

[52] Special Tribunal for Lebanon. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Mustafa Amine Badreddine, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra: Decision on the defence appeals against the Trial Chamber's «Decision on the defence challenges to the jurisdiction and legality of the Tribunal» of 24 October 2012. § 68.

[53] Special Tribunal for Lebanon. The Prosecutor v. Jamil El Sayed: Order Assigning Matter to Pre-trial Judge of 15 April 2010. § 29.

[54] Inter-American Court of Human Rights. Goiburú et al. v. Paraguay: Judgment of September 22, 2006. § 131

[55] ECtHR. Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland (GC) (appl. no. 5809/08), 26 November 2013. § 136.

[56] См.: *Исполинов А. С.* Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 12—13.

[57] См., например: *Sicilianos L.-A*. Op. cit. P. 1137.

сообщества в целом. Предыдущая редакция данной статьи — ст. 33 Проекта статей об ответственности государств, принятого Комиссией международного права ООН в первом чтении, — подобного положения не содержала. Она ограничивалась лишь указанием на запрет использовать ссылку на состояние необходимости для исключения противоправности деяния, не соответствующего обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права[58]. Указанный подход был подвергнут критике во многом именно в контексте прав человека. Например, Р. Боед, проанализировав ст. 33 и придя к выводу о том, что состояние необходимости, как обстоятельство, исключающее противоправность, может быть применено к принципу невыдачи (non-refoulement) (который, по мнению автора, пока не достиг характера jus cogens), сделал вывод о том, что отсутствие гарантий обеспечения интересов международного сообщества в целом при осуществлении правового регулирования состояния необходимости может подорвать развитие международного сотрудничества по правам человека, эффективность которого в значительной степени зависит от признания erga omnes характера соответствующих обязательств[59]. Вопрос о целесообразности указания на необходимость установления баланса между интересами государства, ссылающегося на данное обстоятельство, исключающее противоправность, и интересами международного сообщества в целом рассматривался и в Комиссии международного права ООН[60], что привело к принятию действующей редакции положений о состоянии необходимости. Как представляется, включение в ст. 25 Проекта статей запрета ссылки на состояние необходимости для исключения противоправности деяния, не соответствующего именно обязательствам erga omnes, а не обязательствам, вытекающим из норм jus cogens, способствовало усилению международного сотрудничества по правам человека.

Также ст. 50 Проекта статей, регулирующая вопросы осуществления контрмер, установила, что контрмеры не могут затрагивать помимо обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, в частности, и обязательства по защите основных прав человека. Последние, как представляется, имеют прежде всего характер обязательств erga omnes[61], поэтому в условиях признания того факта, что все нормы jus cogens порождают обязательства erga omnes, но не все обязательства erga omnes вытекают из норм jus cogens[62], данное положение видится еще одной важной гарантией эффективности международных усилий по обеспечению такого интереса международного сообщества в целом, как защита прав человека.

Таким образом, как представляется, такие два инструмента обеспечения общих интересов международного сообщества в целом, как обязательства erga omnes и нормы jus cogens имеют существенное самостоятельное значение в деле усиления международного сотрудничества в сфере прав человека. При этом обращение в одних случаях к концепции обязательств erga omnes, а в других — к концепции jus cogens позволило разработчикам Проекта статей варьировать сферу применения соответствующих конструкций права международной ответственности.

---

[58] См.: Draft articles on state responsibility with commentaries thereto adopted by the International Law Commission on first reading // URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_1996.pdf&lang=EF (дата обращения: 10.12.2018).

[59] См.: *Boed R.* State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct // Yale Human Rights and Development. 2000. Vol. 3 (1). Article 1. P. 41.

[60] См.: Доклад Комиссии международного права ООН 1999 г. // URL:http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/documentation/english/reports/a_54_10.pdf&lang=EFSXP&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/reports1990.shtml (дата обращения: 10.12.2018).

[61] В литературе можно встретить точку зрения, что, например, обязательства по правам человека, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, можно считать имеющими erga omnes эффект в той степени, в какой они приобрели статус обязательств по международному обычному праву (см.: *De Wet E.* Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century: Progressive developments since Barcelona Traction // South African Yearbook of International Law. 2013. Vol. 38. Iss. 1. P. 9).

[62] См.: *De Wet E.* Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century ... P. 9.

Заключение

Концепция общих интересов международного сообщества в целом широко признана в современном международном праве. Особое место среди таких интересов занимает защита прав человека и основных свобод. Такие инструменты обеспечения реализации общих интересов международного сообщества в целом, как нормы jus cogens и обязательства erga omnes, предопределяют особенности содержания вторичных норм права международной ответственности. При этом каждый из указанных инструментов имеет важное самостоятельное значение в процессе установления особенностей содержания отдельных конструкций права международной ответственности.

Несмотря на наличие отдельных проблем реализации норм jus cogens и обязательств erga omnes, в частности, ощущающийся недостаток ясности в толковании данных концепций и их применении на практике, следует признать неоспоримое положительное их значение в деле прогрессивного развития международного права в контексте очевидной тенденции к его коммунитаризации. Под влиянием потребности обеспечить эффективную реализацию общих интересов международного сообщества в целом в сфере прав человека в международном праве зарождается и активно развивается ряд принципов и концепций, предполагающих совместную ответственность государств за обеспечение прав человека, например, принципы международной солидарности, ответственности за защиту, ответственности за предотвращение нарушений прав человека и др. Кроме того, в настоящее время вопросы определения понятия и правовой природы императивных норм общего международного права, а также методики квалификации норм международного права в качестве таковых кодифицируются Комиссией международного права ООН. Все это подчеркивает продолжающийся поиск новых инструментов обеспечения общих интересов международного сообщества в целом, а также поиск путей повышения эффективности существующих таких инструментов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ануфриева Л. П.* Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens // Lex Russica. — 2018. — № 12 (145). — С. 37—47.
2. *Исполинов А. С.* Нормы jus cogens в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6 (99). — С. 7—14.
3. *Красиков Д. В., Липкина Н. Н.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности : монография. — Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. — 188 с.
4. *Красиков Д. В.* Институт обстоятельств, исключающих противоправность деяния, и нормы международного права о правах человека: параметры взаимодействия // Вестник Поволжского института управления. — 2018. — Т. 18. — № 5. — С. 115—122.
5. *Красиков Д. В.* Согласие как обстоятельство, исключающее международную противоправность деяния: нормативные риски и потенциал для обеспечения прав человека // Бизнес. Образование. Право. — 2018. — № 4 (45). — С. 308—312.
6. *Сазонова К. Л.* Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. — 2014. — № 11. — С. 72—79.
7. *Araujo R.* Sovereignty, Human Rights, and Self-Determination: The Meaning of International Law // Fordham International Law Journal. — 2001. — Vol. 24. — Iss. 5. — P. 1477—1535.
8. *Besson S.* Community Interests in International Law: Whose Interests Are They and How Should We Best Identify Them? // Community Interests Across International Law / ed. by E. Benvenisti and G. Nolte. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 560 p.
9. *Boed R.* State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct // Yale Human Rights and Development. — 2000. — Vol. 3(1). — Article 1. — P. 1—43.
10. *Cardiel J. L. A., Davis A., Macherel L.* Modern Self-Defense: The Use of Force Against Non-Military Threats // Columbia Human Rights Law Abstract. — 2018. — Vol. 49(3). — Pp. 99—182.

11. *Christenson G. A.* Jus Cogens: Guarding Interests Fundamental to International Society // Virginia Journal of International Law. — 1988. — Vol. 28. — P. 585—648.
12. *Crawford J. R.* Responsibility to the International Community as a Whole // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2001. — Vol. 8. — Iss. 2. — Article 2. — P. 303—322.
13. *De Wet E.* Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century: Progressive developments since Barcelona Traction // South African Yearbook of International Law. — 2013. — Vol. 38. — Iss. 1. — P. 2—19.
14. *De Wet E.* The International Constitutional Order // International and Comparative Law Quarterly. — 2006. — Vol. 55. — P. 51—76.
15. *Focarelli C.* International Law as Social Construct: The Struggle for Global Justice. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 632 p.
16. *Johnstone I.* The plea of «necessity» in international legal discourse: Humanitarian intervention and counter-terrorism // Columbia Journal of Transnational Law. — 2005. — Vol. 43(2). — Pp. 337—388.
17. *Sicilianos L.-A.* The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. — 2002. — Vol. 13. — P. 1127—1145.
18. *Tanaka Y.* Protection of Community Interests in International Law: the Case of the Law of the Sea // Max Planck Yearbook of International Law. — 2011. — Vol. 15. — P. 329—375.
19. *Tzevelekos V. P.* Revisiting the Humanisation of International Law: Limits and Potential: Obligations Erga Omnes, Hierarchy of Rules and the Principle of Due Diligence as the Basis for Further Humanisation // Erasmus Law Abstract. — 2013. — No. 6. — Pp. 62—76.
20. *Tzevelekos V. P.*, *Lixinski L.* Towards a Humanized International «Constitution»? // Leiden Journal of International Law. — 2016. — No. 29(2). — P. 343—364.
21. *Vidmar J.* The Use of Force as a Plea of Necessity // American Journal of International Law (Unbound). — 2017. — Vol. 111. — Pp. 302—306.
22. *Villalpando S.* The Legal Dimension of the International Community: How Community Interests Are Protected in International Law // The European Journal of International Law. — 2010. — Vol. 21. — No. 2. — P. 387—419.
23. *Zemanek K.* New Trends in the Enforcement of erga omnes Obligations // Max Planck Yearbook of United Nations Law. — 2000. — No. 4. — Pp. 1—52.

Материал поступил в редакцию 27 февраля 2019 г.

HUMAN RIGHTS AS A COMMON INTEREST OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY UNDER THE LAW OF INTERNATIONAL RESPONSIBILITY[63]

LIPKINA Nadezhda Nikolaevna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of International Law of Saratov State Law Academy
k_intlaw@ssla.ru
410056, Russia, Saratov, ul. Volskaya, d. 1

Abstract. *Human rights are playing an increasingly important role in the functioning and development of society, and the international legal regulation of the sphere of inter-State cooperation on human rights has acquired a number of specific features that have a significant impact on the development of various institutions of international law, including the law of international responsibility. The purpose of the article is to analyze the features and problems of implementation of the methodology of ensuring the common interest of the international community as a whole that includes protection of human rights under the law of international responsibility.*
The author considers the category "common interests of the international community as a whole," and explores its importance in the process of intensification of interstate cooperation in the field of human rights. It is noted that such instruments of ensuring the implementation of the common interests of the international community

[63] The work has been carried out with the support of the RFBR grant No. 18-011-00660 "Circumstances precluding wrongfulness of an act: Analysis of functional significance and parameters of applicability in international human rights law".

as a whole as norms of jus cogens and obligations erga omnes predetermine the specifics of the content of the secondary rules of the law of international responsibility. These include rules establishing circumstances precluding the wrongfulness of an act, establishing the consequences of serious breaches of obligations arising from peremptory norms of international law governing the invocation of responsibility by a State other than an injured State. The author emphasizes the significance of the instruments under consideration in the process of establishing the features of the content of individual constructions of the law of international responsibility.
Attention is drawn to the fact that implementation of the common interest of the international community as a whole ensuring promotion and protection of human rights in the law of international responsibility entails some difficulties arising due to the lack, inter alia, of consensus concerning methodology for classifying international law as jus cogens norms and the existence of different approaches to understanding the content and structure of human rights per se. It is concluded that, despite the existence of these problems, it is impossible to deny the significant influence of norms of jus cogens and obligations erga omnes on the content of international legal regulation of various areas of international cooperation in the context of the growing trend towards the communitarization of international law and humanization of international relations.

Keywords: *human rights, responsibility in international law, circumstances precluding wrongfulness of an act, obligations erga omnes,norms of jus cogens, common interests of the international community as a whole.*

REFERENCES

1. Anufrieva L. P. Konstitutsiya RF i mezhdunarodnoe pravo: teoreticheskiy vzglyad na ponyatiya «obshche-priznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava» i jus cogens [The Constitution of the Russian Federation and international law: Theoretical view on the concepts of “universally recognized principles and norms of international law” and jus cogens]. *Lex Russica, 2018, No. 12 (145), pp. 37—47.* (In Russian).
2. Istolinov A. S. Normy jus cogens v resheniyakh mezhdunarodnykh i natsionalnykh sudov [Norms of jus cogens in decisions of international and national courts]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]. 2014. no. 6 (99). pp. 7—14.* (In Russian).
3. Krasikov D. V., Lipkina N. N. Mzaimodeystvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v sfere prav cheloveka v kontekste printsipa subsidiarnosti : monografiya [Interaction between international and domestic human rights law in the context of the principle of subsidiarity: A monograph]. Saratov, Saratov State Law Academy Publishing House , 2014. 188 p. (In Russian)
4. Krasikov D. V. institut obstoyatelstv, isklyuchayushchikh protivopravnost deyaniya, i normy mezhdunarodnogo prava o pravakh cheloveka: parametry vzaimodeystviya [The institution of circumstances precluding wrongfulness and international human rights law: parameters of interaction]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. 2018, Vol. 18, No. 5, pp. 115—122*. (In Russian).
5. Krasikov D. V. soglasie kak obstoyatelstvo, isklyuchayushchee mezhdunarodnuyu protivopravnost deyaniya: normativnye riski i potentsial dlya obespecheniya prav cheloveka [Consent as a circumstance precluding the international wrongfulness of an act: Normative risks and potential for ensuring human rights]. *Bisnes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law]. 2018. No. 4 (45). pp. 308—312*. (In Russian).
6. Sazonova K. L. Obyazatelstva erga omnes i normy jus cogens v mezhdunarodnom prave: kontseptualnoe oformlenie i pravoprimenitelnaya praktika [Obligations erga omnes and jus cogens norms in international law: Conceptual formalization and law enforcement practice]. *Gosudarstvo i pravo [The State and Law]. 2014. No. 11. pp. 72—79.* (In Russian).
7. Araujo R. Sovereignty, Human Rights, and Self-Determination: The Meaning of International Law // Fordham International Law Journal. 2001. Vol. 24. Iss. 5. pp. 1477—1535.
8. Besson S. Community Interests in International Law: Whose Interests Are They and How Should We Best Identify Them? Community Interests Across International Law. Ed. by E. Benvenisti and G. Nolte. Oxford: Oxford University Press, 2018. — 560 p.
9. Boed R. State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct. *Yale Human Rights and Development. 2000. Vol. 3 (1). Article 1. P. 1—43*.
10. Cardiel J. L. A., Davis A., Macherel L. Modern Self-Defense: The Use of Force Against Non-Military Threats. *Columbia Human Rights Law Abstract. 2018. Vol. 49 (3). Pp. 99—182*.

11. Christenson G. A. Jus Cogens: Guarding Interests Fundamental to International Society. *Virginia Journal of International Law, Vol. 28, pp. 585—648*.
12. Crawford J. R. Responsibility to the International Community as a Whole. *Indiana Journal of Global Legal Studies. 2001. Vol. 8. Iss. 2. Article 2. P. 303—322*.
13. De Wet E. Invoking obligations erga omnes in the twenty-first century: Progressive developments since Barcelona Traction. *South African Yearbook of International Law. 2013. Vol. 38. Iss. 1. P. 2—19*.
14. De Wet E. *International and Comparative Law Quarterly, 2006, Vol. 55, pp. 51—76*.
15. Focarelli C. International Law as Social Construct: The Struggle for Global Justice. Oxford: Oxford University Press, 2012. 632 p.
16. Johnstone I. The plea of "necessity" in international legal discourse: *Columbia Journal of Transnational Law, 2005, Vol. 43 (2), pp. 337—388*.
17. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility. *European Journal of International Law, 2002, Vol. 13, pp. 1127—1145*.
18. Tanaka Y. Protection of Community Interests in International Law: the Case of the Law of the Sea. *Max Planck Yearbook of International Law. 2011, Vol. 15, pp. 329—375*.
19. Tzevelekos V. P. Revisiting the Humanisation of International Law: Limits and Potential: Obligations Erga Omnes, Hierarchy of Rules and the Principle of Due Diligence as the Basis for Further Humanisation. *Erasmus Law Abstract. 2013. No. 6. pp. 62—76*.
20. Tzevelekos V. P., Lixinski L. Towards a Humanized International "Constitution"? *Leiden Journal of International Law. 2016. No. 29 (2). P. 343—364*.
21. Vidmar J. The Use of Force as a Plea of Necessity. *American Journal of International Law (Unbound). 2017. Vol. 111. pp. 302—306*.
22. Villalpando S. The Legal Dimension of the International Community: How Community Interests Are Protected in International Law. *The European Journal of International Law. 2010. Vol. 21. No. 2. P. 387—419*.
23. Zemanek K. New Trends in the Enforcement of erga omnes Obligations. *Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. no. 4. pp. 1—52*.